

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Вторая Дума. Государственный переворот 3 июня 1907 года.

20 февраля открылась вторая Государственная Дума.

Вторая Государственная Дума, по направлению своему, мало отличалась от первой Думы. Разница заключалась только в том, что ко второй Думе революционное брожение и вообще крайнее увлечение уже несколько поостыли, а затем в Думу эту не попали многие выдающиеся деятели, которые были в первой Думе и которые были устранены Столыпиным от выборов, вследствие Выборгского воззвания и особого толкования закона о лицах, подвергшихся привлечению к следствию и суду.

Они были устранены от выборов в Государственную Думу таким способом: вначале Столыпин держал всех привлеченных лиц, не назначая суда,—а лица эти, будучи под судом, не могли выбираться, а потом посредством применения такой статьи, в силу которой лица эти лишились права выбора в Государственную Думу, независимо от тюремного заключения.

Я и в то время не понимал: почему правительство делает вторую пробу с Государственной Думой, собирая ее на основании существовавшего и единственно имеющего силу выборного закона, объявленного после 17-го октября 1905 года, так как для меня было ясно, что сущность думских воззрений второй Государственной Думы будет такая же, как и первой и, если бы по тому же закону продолжали выбирать и последующие Думы, то сущность последующих Дум была бы та же самая, как и предыдущих. Сущность же эта заключается в том, что Дума не может не иметь своих самостоятельных убеждений, соответствующих народному самосознанию данного времени; она не может быть в услужении у правительства, и ее члены—дежурить в приемной у председателя совета министров и у других министров. А так как

направление правительства совершенно явно выказалось, и оно заключалось в том, чтобы править Россией не в соответствии с народным самосознанием, а в соответствии с мнениями, большей частью эгоистичными, а иногда и просто фантазиями кучки людей, находящихся вблизи трона, то, очевидно, Дума, выбранная по закону, изданному после 17-го октября, никоим образом и ни в каком случае не могла бы ужиться с таким правительством.

Но Столыпин этого, повидимому, не понимал, или не хотел понимать, рассчитывая, что в конце концов Дума подчинится фантазиям и государственным экспериментам правительства, имеющего почву не в уважении и популярности России, а в выборе, основанном на угодничестве тех лиц, которые понравились.

Около того времени произошли следующие события личного свойства, но имеющие государственное значение.

10-го марта умер Константин Петрович Победоносцев. Это был последний могикан старых государственных воззрений, разбитых 17-го октября 1905 года. Но, тем не менее, как я уже имел случай говорить,—это был, действительно, очень крупный могикан. К. П. Победоносцев был редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности в благах мира сего, которые приобрели такое преимущественное влияние на решение дел в последние годы, особенно со времен министерства Столыпина.

Я счел потребностью своего сердца быть на первой и на последующих панихидах над трупом К. П. Победоносцева, а также присутствовать на его похоронах.

Смерть эта подняла во мне все воспоминания прошедшего, а особенно воспоминания о светлых годах царствования императора Александра III.

14-го марта последовало в Москве убийство члена первой Государственной Думы Иоллоса. Как я уже рассказывал, убийство это было произведено Казанцевым и Федоровым в антракте между двумя покушениями на меня.

31-го марта умер председатель Государственного Совета Фриш (который заменил графа Сольского); это был честный человек, прекрасный юрист, весьма добросовестный человек, но в конце концов—это был только государственный юрист и чиновник. Вместо него последовало назначение Акимова.

Назначение это всех довольно удивило, ибо Акимов представляет собою человека более нежели ограниченного, без

всякого государственного воспитания, сравнительно мало культурного, человека честного, но не имеющего никакого государственного опыта.

Акимов был назначен председателем Государственного Совета в то время, когда на этот пост имели большие права, нежели он, десятки лиц, а потому было ясно, что Акимов был назначен вследствие того, что он представляет собою, с одной стороны, реакционера, а с другой—человека с полицейским кулаком и послушного.

Я думал, что вследствие этих его качеств Акимов был выбран государем императором, но потом мне говорили, что будто бы государь останавливался и на других лицах, но что назначение Акимова произошло вследствие желания Столыпина. Столыпин же пожелал Акимова будто бы потому, что вообще Столыпин желал иметь такого председателя Государственного Совета, который бы шел по его указаниям, а, конечно, такого между членами Государственного Совета было бы очень трудно найти. Так, между прочим, останавливались на Горемыкине, но, конечно, Горемыкин не мог бы быть в умственном и нравственном подчинении у Столыпина уже по одному тому, что он имеет несравненно больше сведений, знаний и государственного опыта, нежели Столыпин. При таких обстоятельствах Столыпин будто бы виделся с Акимовым, и Акимов обещал ему, что, если он будет назначен председателем Государственного Совета, то всячески будет содействовать Столыпину, т.-е. будет находиться у него как бы в услужении.

Должен сказать, что в действительности этого не было. Акимов, большею частью, шел и вел дело не в соответствии со стремлениями Столыпина, и Столыпин говорил своим близким, что его Акимов как бы провел, что если бы он знал, что Акимов будет таков, то он бы его не рекомендовал.

В марте месяце был уволен от должности директор политехнического института князь Гагарин.

18-го февраля был сделан обыск в общежитии политехнического института, и в этом общежитии будто бы была найдена бомба, вследствие чего общежитие было закрыто (оно закрыто и по настоящее время). Правление института было отдано под суд—это послужило причиной увольнения князя Гагарина.

Князь Гагарин—прекраснейший, честнейший и благороднейший человек, с характером ученого, в высокой степени порядочной семьи. Все его семейство представляет собою образец порядочности. Жена князя Гагарина—близкая родственница Столыпина.

Как мне тогда же говорили, эта пресловутая бомба не была заготавливаема в общежитии, а была подброшена полицией для того, чтобы иметь повод закрыть общежитие института, а затем

и привлечь правление в суд. Иначе князя Гагарина было бы очень трудно привлечь в суд по обвинению в революционных стремлениях, так как он принадлежал к такой семье, что предположение о его революционных стремлениях не могло бы выдержать никакой критики.

В конце концов, князя Гагарина отдали под суд и судили в сенате; суд этот был устроен довольно искусственно.

Князя Гагарина отрешили от должности, но через это он нисколько не потерял уважения ни в обществе, ни между всеми его знакомыми.

После суда над ним я виделся с женою князя—княгинию Гагариной, которая рассказала мне всю эту историю; она мне объяснила, что все это было подстроено. Когда же я ее спросил: говорили ли вы об этом Столыпину?—то она мне ответила, что с таким п... она говорить и знаться не намерена.

Когда открылась вторая Государственная Дума, то, конечно, прежде всего приступили к рассмотрению бюджета. Этим думали в значительной степени занять и отвлечь внимание Государственной Думы от более колких вопросов, но так как с первого же раза обрисовался характер Думы, то правительство многие из тех законов, которые оно издало по ст. 87, а главным образом законы характера политического и полицейского, не представило в Государственную Думу, почему законы эти потеряли свою силу, хотя на практике то же самое продолжало действовать, но не в силу закона, а в силу сепаратных распоряжений и произвольных действий правительства.

7-го мая последовало правительственное сообщение в Государственной Думе и Государственном Совете «о задержании членов преступных сообществ, поставивших целью посягнуть на жизнь государя, великого князя Николая Николаевича и Столыпина». Дело это затем слушалось в с.-петербургском военно-окружном суде в августе месяце. Но так как оно слушалось при закрытых дверях, то разобраться в этом деле крайне трудно.

Меня уверяют,—это мнение поддерживают и заграничные левые издания,—что будто бы все дело, если не вполне, то в значительной мере, было выдуманно и спровоцировано для того, чтобы произвести впечатление на общество.

Я, с своей стороны, не берусь поддерживать такое мнение, хотя, с другой стороны, после всех историй с провокациями, с Азефом и проч. историями, касающимися действий секретной полиции и самого Столыпина,—я бы не дал свою руку на отсечение в доказательство того, что покушение это действительно имело место.

Меня в особенности удивляет то обстоятельство, что в этом деле Столыпин поставил свое имя наряду с именем государя и великого князя Николая Николаевича.

Во время междудумья по статье 87, между прочим, также был издан и закон «об ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати». Правительство не хотело прекратить действие этого временного закона, вследствие непредставления его в Государственную Думу, почему закон этот и был представлен в Государственную Думу, но 21 мая он был Думою отклонен.

Все время проявлялось явное разногласие между деятельностью правительства и деятельностью Государственной Думы. Было ясно, что так дело идти не может. А потому Столыпин начал разрабатывать вопрос о том, каким образом сделать так, чтобы под благовидным предлогом распустить вторую Государственную Думу и затем, в случае разгона второй Думы, решить вопрос, как поступить: собрать ли третью Думу или же сделать *coup d'état*—государственный переворот.

К этому времени Столыпин приобрел уже значительную силу и в глазах императора и придворной партии. Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве, это—в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный человек, и если бы у него был соответствующий ум, соответствующее образование и опыт,—то он был бы вполне государственным человеком. Но в том-то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования. По образованию и уму, в виду неуравновешенности этих качеств, Столыпин представлял собою тип штык-юнкера.

Но государю и придворной партии, повидимому, нравились его отважность и его храбрость; что же касается других качеств, то для оценки их не было достаточно компетентных судей.

Затем Столыпину весьма повезло вследствие двух несчастий.

Одно несчастье—до него, как человека, совсем не касалось, а другое—коснулось его, как человека.

Первое—это несчастье с генералом Треповым, т.-е. то, что не успел Столыпин вступить на пост председателя совета министров, как Трепов умер от разрыва сердца.

Благодаря Трепову я не мог продолжать оставаться председателем совета министров, так как я не мог ужиться с бесшабашностью в государственных делах, а потому, по собствен-

ному желанию, ушел с должности главы правительства. Та же самая причина значительно повлияла и на уход, но уже не добровольный, Горемыкина, с поста председателя совета. Я не сомневаюсь в том, что если бы Трепов и при Столыпине был жив, то он в значительной степени подкашивал бы влияние и авторитет Столыпина. Но первое счастье Столыпина и заключалось в том, что Трепов неожиданно умер.

Таким образом, несчастье с Треповым явилось счастьем для Столыпина.

Вторым счастливым событием для Столыпина было несчастье у него самого, а именно взрыв на Аптекарском острове, взрыв, при котором пострадали его сын и дочь.

Несомненно, это покушение не могло не возмутить всякого порядочного человека, и это возмущение естественно породило симпатии к Столыпину.

Я, с своей стороны, даже думаю, что если бы Столыпин был один, не имел вокруг себя семейства, то он бы не обратился в то, чем он стал; он бы делал ошибки, по отсутствию государственного образования, делал бы, может быть, резкие, неуместные выпады, но оставался бы уважающим себя честным государственным деятелем.

Но, как говорят все лица без исключения, имевшие с ним дело, Столыпин, будучи человеком с темпераментом, и с большим самостоятельным темпераментом в отношении всех, терял этот темперамент, когда он имел отношение к своей супруге.

Супруга Столыпина делала с ним все, что хотела; в соответствии с этим приобрели громаднейшее значение во всем управлении Российской империи, через влияние на него, многочисленные родственники, свояки его супруги.

Как говорят лица, близкие к Столыпину, и не только близкие лично, но близкие по службе, это окончательно развратило его и послужило к тому, что в последние годы своего управления Столыпин перестал заботиться о деле и о сохранении за собою имени честного человека, а употреблял все силы к тому, чтобы сохранить за собою место, почет и все материальные блага, связанные с этим местом, при чем и эти самые материальные блага он расширил для себя лично в такой степени, в какой это было бы немыслимо для всех его предшественников.

Вторая Государственная Дума была распущена 3-го июня 1907 года.

Я помню, что перед роспуском Думы я два раза видел министра двора барона Фредерикса. Один раз я был у него по своему личному делу; между прочим, барон Фредерикс заговорил со мною о том, что предполагается выработать новый выборный

закон, на что я ему сказал, что я, с своей стороны, советовал бы, чтобы в совет министров, который будет вырабатывать этот закон, были приглашены прежние государственные деятели, знающие историю этого дела.

В соответствии с этим, в заседание совета, который разрешил вопрос о новом выборном законе, были приглашены Горемыкин, Акимов и Булыгин.

В другой раз сам министр двора пришел ко мне, по собственной ли инициативе или не по своей инициативе—этого я не знаю. Разговор между нами происходил в моем кабинете, в котором висит портрет императора Александра III.

Министр двора поставил мне вопрос: не могу ли я дать совет, что делать? На что я ответил барону Фредериксу, что мне трудно дать совет, так как я не знаю о всех обстоятельствах дела. Ответ этот барон Фредерикс, повидимому, почел за желание с моей стороны уклониться, так как вообще после 17-го октября было в моде такое предположение: что я, мол, знаю, как спасти Россию, но только не хочу этого сделать.

Тогда барон Фредерикс сказал мне:

— Наверное, граф, вы знаете, как бы следовало поступить. Скажите, как бы вы поступили?

Я на это рассердился и дал ему такой ответ:

— Я, действительно, знаю, как бы следовало поступить, но только не могу вам сказать, так как это будет бесполезно, потому что сделать то, что я вам порекомендую—вы все-таки не сможете.

Барон Фредерикс продолжал настаивать:

— Нет, вы все-таки скажите: что же следует сделать, может быть, мы это сделать можем.

Тогда я обернулся к портрету императора Александра III и, показав на портрет, сказал: «воскресите его!»

После такого моего ответа, которым барон Фредерикс был очень удивлен, мы с ним расстались ¹⁾.

Новое положение о выборах в Государственную Думу выработал пресловутый Крыжановский, который был товарищем министра внутренних дел, а при Столыпине и его головою.

¹⁾ Вариант: * Перед 3-м июня ко мне приходил министр двора барон Фредерикс, по собственной инициативе или будучи послан свыше, и спрашивал мое мнение. Я ему сказал, что или следует терпеливо ждать, чтобы по закону 17-го октября получилась благоразумная Дума, что, весьма вероятно, и случится после того, как Дума будет многократно распускаема, как это делалось в Японии, когда там была введена конституция, но это будет возможно, если правительство будет корректно исполнять законы, изданные после 17-го октября, по точному смыслу и духу их, или следует выработать новый выборный закон, приняв во внимание все недостатки существующего

Как мне говорили, было всего только одно заседание в совете министров, рассматривавшее этот закон; в заседании этом участвовали: Акимов, Горемыкин и Булыгин, при чем, как кажется, некоторые из приглашенных членов были в разногласии с членами совета по отношению этого выборного закона.

Во всяком случае, закон этот был выработан крайне наспех; он был выработан до такой степени наспех, что, как мне достоверно известно, некоторые его части менялись уже тогда, когда закон этот набирался в типографии.

Было решено распустить вторую Государственную Думу и немедленно, согласно основному закону, назначить срок выборов в новую Думу, но только уже по новому выборному закону, иначе говоря, — сделать государственный переворот, ибо, согласно основному закону, всякие изменения в законе о выборах могут производиться не иначе, как через Государственную Думу и Государственный Совет.

Решив сделать этот *coup d'état*, тем не менее, не решились, распуская или разгоняя Думу, не назначить срок для выборов в новую Думу и не дать нового выборного закона, т.-е. не решились вполне уничтожить 17 октября или, иначе говоря, уничтожить законодательные учреждения, а только решили сделать такой закон, чтобы Государственная Дума была вполне послушна.

* После издания закона, в моем присутствии П. Н. Дурново расспрашивал составителя закона 3-го июня Крыжановского, почему, например, в таком-то уезде приняты такие-то нормы, а в таком-то другие, и на это Крыжановский, если хотите, пренаивно, отвечал, что это сделано для того, чтобы явился благонадежный выборщик — тут нужно было дать большинство голосов таким-то элементам, а там другим. Какие в конце концов результаты даст выборный закон 3-го июня, вопрос темный.

Я думаю, что закон этот долго не устоит, или он будет изменен на более разумный, принципиальный, или Думы совсем не будет. Для чего собственно иметь Думу?

Для того, чтобы она выражала желания и волю народа, всей сознательной его части, во всяком случае большинства

и имевшийся маленький опыт применения их. Если решиться стать на второй путь, то я бы поступил так: издал бы временный новый закон, поручающий выработать новый выборный закон представителям городов и земств, и затем провел бы этот законопроект через Государственный Совет. Если работа эта потребовала бы более продолжительное время, то, имея в виду, что без Думы при существующих законах продолжительное время обходиться нельзя, может быть этому собранию представителей земств и городов можно бы было поручить временно некоторые функции Государственной Думы. Я высказал эту мысль, как совершенно сырую *. — См. т. I, стр. 252.

мыслящей и чувствующей России. Иначе Думы совсем не нужно, она является бесполезной. Ведь кроме Думы имеется высшая палата—Государственный Совет, который должен представлять собою сосредоточение государственного опыта, знания и авторитета. Несомненно, что Совет лучше и скорее выработает и установит всякий закон, потребный по данному времени, он часто не может лишь выработать законы, соответствующие идеалам мыслящего и чувствующего большинства населения, ибо Государственный Совет далек от него и по жизни и по насущным интересам. При Государственном Совете не опасны и увлечения Думы, ибо он всегда может увлечения эти остановить. Для этого и существуют высшие палаты. Создать же низшую палату, которая по политической пульсации своей представляет Государственный Совет, но только низшей пробы, по меньшей мере бесполезно. Такая Дума народных желаний не выражает, а служит большим тормозом к движению законодательства. Государственный Совет с такой Думой и считаться не будет; первую Государственную Думу Государственный Совет боялся, но в известной мере с ней считался, а настоящую третью Думу Государственный Совет не боится и с ней не считается. Между ними нет никакой гармонии. Дума может сказать Государственному Совету: «Вы не являетесь представителями народа, его желаний и идеалов», а Государственный Совет с таким же правом может также сказать Думе, прибавив к тому: «мы по крайней мере государственно грамотны, а вы полуграмотны».

Так как Государственная Дума идет в одну сторону, а Совет в другую, то правительство, с полным нарушением смысла статьи 87-й основных законов и статьи 17-й правил о государственной росписи, принимает капитальнейшие меры и само без законодательных палат в значительной мере правит Россией *.

Затем нужно было найти и предлог для роспуска Думы.

2-го июня последовало сообщение: «Об обыске 5-го мая у члена Государственной Думы Озоля, о раскрытии замысла 55-ти членов Государственной Думы социал-демократической партии ниспровергнуть существующий государственный строй и о привлечении указанных 55-ти членов Государственной Думы к ответственности». Сделав это сообщение и произведя, конечно, этим впечатление на Россию, 3-го июня, т.-е. на следующий день, последовал манифест и указ о роспуске Государственной Думы и о назначении созыва новой Думы на 1-е ноября 1907 года по новому выборному закону; тогда же было опубликовано и новое положение о выборах в эту Думу.

Как это утверждают, о чем несколько месяцев тому назад было суждение и в настоящей Государственной Думе при закры-

тых дверях: опубликование 3-го июня 1907 года о замыслах 55-ти членов Государственной Думы ниспровергнуть существующий государственный строй было в значительной степени спровоцировано и преувеличено, такого замысла не было, все это в значительной степени была провокация министерства внутренних дел.

С своей стороны, я имею основание думать, что это было именно так: Столыпин воспользовался некоторыми желаниями членов социал-демократической партии произвести смуту для того, чтобы облечь эти желания в замысел, имеющий государственное значение; это было сделано для того, чтобы произвести такое впечатление о грозящей государству опасности, чтобы общественное мнение легче переварило государственный переворот 3-го июня 1907 года.

Переворот этот по существу заключался в том, что новый выборный закон исключил из Думы народный голос, т.-е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам.

Таким образом, Государственная Дума перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху.

По форме же переворот этот заключался в том, что он совершенно нарушил основные государственные законы, изданные в мое министерство, после 17-го октября 1905 года.
